

П.Е. Матвеев

Философия поступка М.М. Бахтина (опыт этической интерпретации)

Матвеев Павел Евлампиевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и религиоведения. Гуманитарный институт Владимирского государственного университета. Российская Федерация, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87; e-mail: mail@matvei.elcom.ru

Статья посвящена анализу учения М.М. Бахтина о поступке, изложенному в очерке «К философии поступка». Особое внимание обращено на этические аспекты учения Бахтина и на методологию исследования сложной и остающейся актуальной в этике проблеме индивидуального поступка. В статье отмечается, что Бахтин был не единственным в России того времени, кто задавался подобными вопросами. Его работа «К философии поступка» была подготовлена определенными историческими, культурными факторами. Показывается, что при анализе поступка согласно Бахтину следует отталкиваться от конкретного живого человека, единственного и единого. Такого человека отличает прежде всего *ответственность*, а затем уже рациональность, должностное отношение. В статье отмечается, что Бахтин выделяет несколько видов ответственности. Однако основной пафос очерка Бахтина не в исследовании ответственности. Основным пафос «К философии поступка» состоит в том, чтобы представить в едином плане поступок, который, с одной стороны, связан с единым и единственным ответственным субъектом, а с другой – с объективной культурой. В статье анализируется критика Бахтиным этики как философского учения о морали. Создать философию поступка можно только *изнутри* поступка, и для этого теоретической философии, традиционной этики недостаточно. Здесь лучше работает феноменология, аксиология, ценностный подход. Показано, что Бахтин не только не отрицал значимости ценностного подхода в учении о человеке, его жизни, поступках, но старался учить о человеке и его поступках, используя понятие ценности. Анализируется методология Бахтина на примере его анализа художественных произведений. Отмечается, что идеи Бахтина, его методологию следует использовать при этанализе (этическом анализе) поступков людей.

Ключевые слова: поступок, этика, феноменология, аксиология, ответственность, долг, контекст, правда, ценность

М.М. Бахтин (1895–1975) – один из наиболее известных российских гуманитариев XX в., философ, культуролог. Его перу принадлежат многие работы, в том числе знаменитые «Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». Среди работ М.М. Бахтина есть небольшая статья, очерк, «К философии поступка», которая была обнаружена в его архивах и вышла в свет в 1986 г., в ежегоднике «Философия и

социология науки и техники, а затем были опубликованы фрагменты в журнале «Социологические исследования»¹. Таким образом эта статья появилась в печати после смерти автора, и само ее название принадлежит С.Г. Бочарову, одному из исследователей творчества Бахтина. Как отмечено в комментариях, помещенных в первом томе семитомного Собрания сочинений Бахтина, «Точная датировка ФП (Философия Поступка. – П.М.) неизвестна. С уверенностью можно лишь говорить, что автограф писался между 1918 и 1924 гг.»². Следовательно, более чем 60 лет этот маленький шедевр русской философии оставался неизвестным публике, и он, собственно, так и остался незавершенным, ибо рукопись обрывается явно не на последнем запланированном абзаце, а за все прошедшие долгие годы Бахтин так и не вернулся к окончанию этого очерка.

Но изданная спустя десятилетия после написания, статья «К философии поступка» оказалась очень актуальной, современной, знаковой. Она показывает предметно, на каком высочайшем теоретическом уровне стояла российская гуманитарная наука уже в начале XX в. Она оказалась востребованной и в конце XX в., ее идеи были подхвачены гуманитариями, философами России, вступившей в эпоху перестройки. С.С. Аверинцев, Л.А. Гоготишвили, С.Г. Бочаров, Л.А. Микешина, А.А. Гусейнов сразу же стали комментировать, использовать эти идеи, опираться на них в своих собственных изысканиях³. Следует отметить, что методологическое, эпистемологическое и мировоззренческое значение этой статьи отнюдь не исчерпано, что определяет актуальность обращения к ней.

Сама статья «К философии поступка» предстает весьма сложной, многоплановой, допускающей различные интерпретации. Гоготишвили выделяет 16 смысловых блоков в данной статье Бахтина⁴. Мы предлагаем собственную этическую интерпретацию, опираясь на современные данные философии, этики, аксиологии. Как можно сейчас понимать данную работу Бахтина? Думается, что молодой Бахтин обратился к анализу поступка, чтобы построить нравственную философию и разрешить актуальную для того времени (20-е гг. XX в.) проблему разрыва между культурой и жизнью, теоретическим и практическим разумами.

С.С. Аверинцев в своих комментариях указал на связь здесь идей Бахтина с идеями В. Иванова, Н. Бердяева и других философов «серебряного века» русской культуры. Так, он пишет: «Императив преодоления дурной неслиянности культуры и жизни (выделено С.С. Аверинцевым. – П.Е.), с такой интеллектуальной страстью выдвигаемой Бахтиным, очень характерно для русской философской традиции в целом»⁵. Например, отмеченный Аверинцевым В. Иванов писал: «Художество обращалось в культурную миссию – в зерно, вместо того чтобы стать цветом. И потому, говоря об искусстве в России, необходимо поставить вопрос о соотношении между искусством и общей культурой»⁶.

¹ См.: Социол. исслед. 1986. № 2.

² Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 352.

³ См., например: Гусейнов А.А. Закон и поступок (Аристотель, И. Кант, М.М. Бахтин) // Этическая мысль. 2001. Вып. 2. С. 3–26.

⁴ См.: Гоготишвили Л.А. [«К философии поступка» Приложение] // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 424–438.

⁵ Аверинцев С.С. [«К философии поступка» Постраничные примечания (1)] // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 444.

⁶ Иванов В. О веселом ремесле и умном веселии // Иванов В. Родное и вселенское. М., 1994. С. 65.

Но тождественен ли разрыв жизни и культуры разрыву искусства и культуры у В. Иванова? Как видим, вопрос сводится к соотношению искусства и жизни в репрезентации В. Иванова в начале XX в. (время написания цитированной статьи). Это большая тема, поскольку у В. Иванова было свое понятие искусства, где он выделял художников-ремесленников и художников-кумиротворцев и т. д. Но, несомненно, что, по В. Иванову, искусство настоль тесно, хотя это и не всегда очевидно, связано с жизнью, что говоря о соотношении искусства и культуры, можно подразумевать «связанность» жизни и культуры. «Существует взаимодействие между жизнью и искусством, – писал В. Иванов, – и при этой их динамической связанности вопрос о том, служит ли жизни искусство или себе довлеет, имеет значение исключительно методологическое: можно рассматривать искусство в его замкнутой сфере, имеющей свою внутреннюю целесообразность, можно рассматривать его и в связи с “жизнью”, понимаемой как в смысле слитной целокупности явлений, так и в смысле наличных и непосредственно данных условий действительности»⁷.

И далее В. Иванов заявляет: «Хотя даже и само имя “культура” достаточно сухо и школьно и по-немецки практично и безвкусно, потому что отрицает все самопроизвольное и богоданное и утверждает лишь саженое, посеянное...»⁸. Разрыв между жизнью и культурой прошел через общество до отдельного человека. И именно здесь, в человеке, Бахтин узрел возможность их соединения.

Как видим, Бахтин был не единственным в России того времени, кто задавался подобными вопросами. И это важно для правильного понимания и оценки как данной статьи Бахтина, так и в целом его творчества. Его работа «К философии поступка», несмотря на ее глубину, оригинальность, была подготовлена определенными историческими, культурными факторами. Она взошла на благодатной культурной почве. Так, в контексте русской и мировой культур, в определенном хронотопе, говоря языком самого Бахтина, и надо воспринимать все его творчество.

Итак, по Бахтину следует отталкиваться от конкретного живого человека, единственного и единого. Поэтому неправомерно понимать, оценивать человека как только гносеологического субъекта, что было характерно для многих тогдашних западных философских учений, в основном следующих за Кантом. И снова надо отметить, что не один Бахтин так считал. Сошлемся вновь на В. Иванова. В своей статье «Религиозное дело Владимира Соловьева» В. Иванов пишет: «Современная философия, желающая быть строгою и научною, ищет ограничить себя областью учения о познании. Это ее обязанность еще в большей мере, чем ее право. В результате неокантианских исследований субъект познания, в который обратилась личность, видит себя замкнутым в неразрывном круге. Все, что внутри магического круга, относительно; все, что за кругом, неопределенная данность. Но горе, когда произвольно размыкается заколдованное кольцо: гносеологический релятивизм, перенесенный в жизнь, обращается в мэонизм онтологический»⁹.

Бахтин исходил из того, что человек целен, един и единственен, т. е. неповторим. И в подобном человеке мы обнаруживаем такую его отличительную черту, как *ответственность*, а затем уже рациональность, должен-

⁷ Иванов В. О веселом ремесле и умном веселии. С. 62.

⁸ Там же. С. 65.

⁹ Иванов В. Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов В. Родное и вселенское. С. 342.

ствование. Ответственность, по Бахтину, *первичнее*, ибо она есть нечто автономное, перводанное. В должностовании уже присутствует привнесенное извне, из мира объективного. Ответственность Бахтин связывал с *поступком*, как с «актом нашей деятельности», *единственным и единым, личностным и свободным*.

Аверинцев так комментирует данный тезис Бахтина: «*Ответственность* – еще один ключевой термин мышления Бахтина. Его смысл и его привычное употребление неразрывно соотносит его с термином “поступок”: ответственность несут за поступок, поступок есть то, за что поступающий несет ответственность...»¹⁰.

Спрашивается, почему для Бахтина так важна *ответственность*, связанная с поступком, а не *свобода*? *Свобода* часто оценивалась философами как первооснова для ответственности и в целом нравственности человека, а Бахтин как будто и не знает этого элементарного факта. Да знает, конечно, но сознательно игнорирует. Почему? Дело в том, что нет жесткой связи между свободой и ответственностью и даже свободой и нравственностью, тем паче причинно-следственной связи. В философии существуют учения, где говорится о свободе, но практически ничего об ответственности. К таким концепциям можно отнести этику Б. Спинозы. Там, правда, отрицается онтологическая свобода, или свобода воли, говоря традиционным философским языком, как возможность автономного поступка вопреки закону причинности. «Воля не может быть названа причиной свободной, но только необходимой»¹¹. Спиноза признает только нравственную свободу, как свободу от аффектов, свободу, даруемую только разумом. «Свободным я назвал того, кто руководствуется одним только разумом»¹². Но у Спинозы мы не находим ничего об ответственности, хотя он рассматривает в своей «Этике» многие человеческие качества. Таким образом, Спиноза построил свою этику и без свободы, и без ответственности. Использование идеи ответственности в моральной философии является сравнительно поздним явлением. В целом проблема ответственности в этике, в истории этики предстает интересной и сложной, требующей специального исследования.

Философ XX в. Ганс Йонас развил концепцию ответственности, но практически обошелся без обращения к свободе¹³. Йонас выделял, во-первых, «ответственность за каузальное вменение совершенных деяний»¹⁴, которую он подразделял на правовую и нравственную; и, во-вторых, «ответственность за подлежащее исполнение: долг силы»¹⁵. Именно второй род ответственности и связывал Йонас с «этикой ответственности за будущее». Он отмечал присущее этому роду ответственности внутреннее чувство, когда «я ощущаю себя таким образом ответственным не первичным образом за свое поведение и его последствия, но за дело, предъявляющее претензии на мои действия»¹⁶.

¹⁰ Аверинцев С.С. [<К философии поступка> Постраничные примечания (1)] // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 443.

¹¹ Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 389.

¹² Там же. С. 576.

¹³ См.: Йонас Г. Принцип ответственности. М., 2004.

¹⁴ Там же. С. 169.

¹⁵ Там же. С. 172.

¹⁶ Там же.

В философии были и концепции, диалектически связующие ответственность и свободу. О связи свободы и ответственности говорил Ж.-П. Сартр: «Существенное следствие наших предшествующих замечаний состоит в том, что человек, будучи осужденным на свободу, несет весь груз мира на своих плечах; он ответственен за мир и за самого себя в качестве способа бытия»¹⁷.

Следует отметить, что эти точки зрения можно представить как определенные контекст/правды, говоря языком Бахтина, и каждая из них содержит частицу истины и является правдой в контексте своих философий. Можно сконструировать и иные контекст/правды по данной проблеме. Одна из них и представлена у Бахтина, который именно ответственность, а не свободу или долг отнес к существенным качествам человека.

С нашей точки зрения, ответственность и свобода могут иметь разные основания, на что и указывал Йонас. Это хорошо проявляется на уровне субъективных чувств свободы и ответственности. Чувство свободы свидетельствует о независимости меня от внешних и внутренних условий, а чувство ответственности обращает меня к своему «Я», к тому, что только «Я» способен на данный поступок и это зависит только от меня. Собственно, такое понимание ответственности мы и обнаруживаем у Бахтина.

Свобода воли является одной из традиционных тем философии, по которой существует огромная литература. Философия и наука свидетельствуют о законе причинности или о детерминизме, который утверждает, что все явления причинно обусловлены и что данный закон имеет всеобщий характер. Правда, Кант попытался ограничить естественную причинность только миром феноменов, существующих в пространстве и во времени, ибо причинно-следственные связи предполагают временную последовательность, когда причина предшествует следствию¹⁸. В мире же «вещей в-себе», куда относится и «Я» человека, закон причинности не действует, следовательно, там возможна свобода.

В целом учение, считающее, что детерминизм несовместим со свободой воли, называется *инкомпатибилизмом*. Инкомпатибилизм существует двух видов: как метафизический либертарионизм и как жесткий детерминизм. Первый утверждает, что свобода воли существует, следовательно, натурализм с его учением всеобщего детерминизма ложен; второй считает, что свобода воли есть иллюзия, а натурализм верен¹⁹. *Компатибилисты*, напротив, считают, что свобода воли совместима с натурализмом и детерминизмом в понимании естественной природы, включая телесную природу человека. С нашей точки зрения, более прав компатибилизм. Нам, действительно, следует признать особый феномен человека, обладающего свободой воли при всеобщей естественной детерминации. Как утверждали экзистенциалисты, человек есть специфическая «дыра» в сетке объективных причинно-следственных связей.

Но проблема соотношения свободы воли и ответственности носит иной характер, нежели проблема соотношения свободы и причинности. Есть точка зрения, «что ответственность не обнаруживается в опыте как факт, а приписывается – будь то себе самому или кому-то другому»²⁰. Другими словами, ответствен-

¹⁷ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М., 2009. С. 819.

¹⁸ См.: Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М., 1964.

¹⁹ См.: Секацкая М.А. Моральная ответственность без свободы воли // Вопр. философии. 2014. № 10. С. 151–161.

²⁰ Там же. С. 159.

ность есть чистая субъективная конструкция, важная для нравственного бытия человека, но не имеющая под собой объективных оснований. Мы не вполне согласны с этой точкой зрения. Ответственность, действительно, есть субъективная конструкция, но имеющая реальные основы, каковыми предстают действительные возможности для меня, моего «Я» совершить данный поступок и что в определенной нравственно-ментальной форме и осознается моим «Я».

У Бахтина выделяются несколько видов ответственности. Уже в начале своей статьи он говорит о «двусторонней ответственности»: ответственности акта за свое содержание («специальная ответственность») и ответственности акта за свое бытие («нравственная ответственность»). И Бахтин заявляет: «Причем специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности. Только таким путем могла бы быть преодолена дурная неслиянность и невзаимопроникновение культуры и жизни»²¹.

Бахтин не отрицает всецело и *долженствование*. На протяжении всей его работы мы не раз встречаемся с понятиями «долга», «долженствования». «Я – единственный ни в один момент не могу быть безучастен в действительной и безысходно-нудительно-единственной жизни, я *должен иметь долженствование* по отношению ко всему, каково бы оно ни было и в каких бы условиях ни было дано, я должен поступать со своего единственного места, хотя бы внутренне только поступать»²². Собственно, для Бахтина *долженствование* выступает как специфическая, личностная форма осознания ответственности своего поступка, своей жизни. «Долженствование – в единстве моей единственной ответственной жизни»²³, – писал он. «Нет научного, эстетического, и прочего *долженствования*, но нет и специального этического *долженствования* в смысле совокупности определенных содержательных норм»²⁴.

Ответственность важна именно для внутреннего осознания поступка как проявления «не-алиби в бытии», т. е. ответственного бытия, «участного сознания». Все это неологизмы Бахтина, введенные им в язык для анализа внутреннего плана поступка, где не работают традиционные научные подходы, понятия. К отмеченным неологизмам можно добавить еще такие, как «участность», «ответственно мыслящий субъект», «ценностный контекст», «правда» (versus «истина»), «автор и герой» (versus «субъект и объект») и др. Ведь правильно понять поступок, по Бахтину, можно только «изнутри» самого поступка. «Для этого, конечно, необходимо взять поступок не как факт, извне созерцаемый, или теоретически мыслимый, а изнутри, в его ответственности»²⁵. Ответственность в данной ее значимости для «участного сознания» важнее даже рациональности. «Поступок в его целостности более чем рационален, – он ответственный, – писал Бахтин. – Рациональность – только момент ответственности»²⁶.

У Бахтина существует красивый пример, разъясняющий данное положение. Он писал, что человек несет ответственность прежде всего за свою подпись, которую он ставит на том или ином документе, а не за содержание доку-

²¹ Бахтин М.М. К философии поступка // Указ. изд. С. 8.

²² Там же. С. 40.

²³ Там же. С. 10.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Там же. С. 30.

мента, которое может быть написано другим: «Не содержание обязательства меня обязывает, а моя подпись под ним, то, что я единожды признал, подписал данное признание»²⁷.

Однако основной пафос очерка Бахтина не в исследовании ответственности. Да и провести более или менее глубокое исследование ответственности, как и некоторых других поднятых здесь философских, этических, аксиологических и прочих вопросов (16 содержательных блоков, как отмечалось, выделяет здесь Гоготишвили), просто невозможно в ограниченной по объему работе. Хвала Бахтину уже за то, что он по-новому поставил эти вопросы и высказал некоторые по поводу их глубокие мысли. Основной пафос работы «К философии поступка» состоит в том, чтобы представить в едином плане поступок, который, с одной стороны, связан с единым и единственным ответственным субъектом, актором, участником события, а с другой – с объективной культурой, с ее наукой, философией, с системой норм и пр. «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни»²⁸.

И Бахтин считал, что поступок должен иметь единый план, он должен «обрести единство двусторонней ответственности: и за свое содержание (специальная ответственность) и за свое бытие (нравственная), причем специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности. Только таким путем могла бы быть преодолена дурная неслиянность и невзаимопроницаемость культуры и жизни»²⁹.

Бахтин с этой точки зрения критиковал науку, философию, этику, эстетику, ибо они объективируют свой предмет исследования и неспособны познать внутренний план поступка, его единство, единственность и ответственность. В этом значении Бахтин выше ставил искусство, где художник способен «вжиться» во внутренний план героя, провести соответствующую интроспекцию. Неслучайно в последующие годы Бахтин обратился к исследованию творчества Достоевского и Рабле.

Отметим критику Бахтиным этики как философского учения о морали. Он выделял два вида этики: 1) материальную этику и 2) формальную (рациональную) этику. Главный недостаток материальной этики, по Бахтину, состоит в том, что она напрямую из природы пытается вывести нормы морального должностования. Но это нонсенс! Бахтин пишет: «Попытки биологически обосновать должностование суть недомыслие, не стоящее рассмотрения»³⁰. Собственно, Бахтин повторяет широко известный принцип Д. Юма, «гильотину Юма», отсекающий несуществующие в реальности связи между качествами, в частности между «есть» и «должно».

В *формальной* этике есть и достоинства, и недостатки. Достоинство здесь связано с тем, что должностование рассматривается как категория сознания, «форма», не выводимая из материального содержания. Недостаток же формальной этики в том, что она мыслит категорию должностования как категорию теоретического разума, т. е. «теоретизирует» ее, и потому «теряет индивидуальный поступок».

²⁷ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 37.

²⁸ Там же. С. 25, 7.

²⁹ Там же. С. 8.

³⁰ Там же. С. 25.

Следствием недостатков существующей этики предстает необоснованность нравственных норм. Согласно Бахтину, все моральные нормы как возможные императивы долга несостоятельны в силу безосновательности, т. е. за моральными нормами нет таких авторитетов, источников, как Бог в религиозных нормах, общество – в социальных нормах, государство – в политических и правовых нормах. И Бахтин заявляет: «...для этики ничего не остается (так называемые этические нормы суть главным образом социальные положения, и когда будут обоснованы соответственные социальные науки, они будут приняты туда)»³¹.

К данному замечанию Бахтина о недостатках этики есть хорошее и довольно объемное примечание Аверинцева. Аверинцев считает, что Бахтин здесь рассчитался с «характерной для интеллигентского сознания иллюзией абсолютной и довлеющей себе этики»³², т. е. с «чистой этикой». Подобная этика была «неиссякающим источником нравственного нигилизма». Почему? Потому что «чистая этика» не может ответить на два кардинальных для долженствования вопроса: 1) перед кем должен субъект долженствования и 2) на чем основывается само долженствование? В конечном счете «чистая этика» в лице Ницше и героев Достоевского пришла логично к идее «помыслить долженствование отсутствия всякого долженствования»³³. Аверинцев считал, что ситуацию может спасти только метафизика «естественного нравственного закона» «как Божьей скрижали в сердцах людей» и «внутрижизненная ангажированность»³⁴. Примечательно, что у Бахтина нет упоминания «естественного нравственного закона», зато на него как на основание морали ссылается Аверинцев!

Почему Бахтин не обращается к естественному нравственному закону в данном случае? Можно предположить, что Бахтин не был уверен в реальности этого закона. И можно согласиться с Аверинцевым в том, что проблема основания долженствования действительно разрешается метафизикой естественного нравственного закона, признающей его внешний для человека Божественный характер. Как он писал: «Этика, редуцированная к самой себе, оставленная на самое себя, есть опустошенная этика, ибо этическое начало – не исток ценностей, а модус ответственного отношения к ценностям»³⁵. К утверждению Аверинцева с нашей точки зрения можно сделать замечание, что «этика, редуцированная к самой себе», действительно предстает безосновательной, «опустошенной», но ее объективные основания не обязательно редуцировать к Богу: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно»³⁶.

Бахтин обращает внимание и на роль чувств в оценке поступка. Здесь недостаточно его рациональное исследование, понимание, важно его внутреннее переживание. Когда мы переживаем поступок, мы становимся со-участниками. Тогда мы имеем дело с «участным сознанием», с «не-алиби в бытии», т. е. с ответственным бытием.

³¹ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 25, 10.

³² Аверинцев С.С. [«К философии поступка» Постраничные примечания (1)] // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 446.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Исх. 27:7.

Создать философию поступка можно только *изнутри* поступка, и для этого теоретической философии, традиционной этики недостаточно. Здесь лучше работает феноменология, аксиология, ценностный подход³⁷. Бахтин не только не отрицал значимости ценностного подхода в учении о человеке, его жизни, поступках, но старался учить о человеке и его поступках, используя понятие ценности. В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин пишет: «Момент оценки или точнее ценностная установка сознания имеет место не только в поступке в собственном смысле, но и в каждом переживании и даже ощущении простейшем: жить – значит занимать ценностную позицию в каждом моменте жизни, ценностно устанавливаться»³⁸.

В самом деле, во многих поступках, особенно связанных с тем или иным видом самопожертвования, важен именно ценностный подход субъекта³⁹. «Хитрость субъективного разума» известна, и разум способен привести множество аргументов «за» и «против», осмысление которых может оставить субъекта в бездействии, наподобие «буриданова осла», но бездействие в данном случае есть также определенный нравственный поступок. Здесь требуется «участное мышление». Ценностное чувство, ценностная интуиция здесь более действенны, через них субъект ориентируется на ценности и определяется ими. Так фундируется его «не-алиби в бытии», т. е. ответственное бытие. Моральные ценности для субъекта выступают как «предельные основания» выбора. Действительно, объективная моральная ценность ставит человека перед определенным пределом. Она «предельна» в том смысле, что является «крайней», за которой уже нет иных фундирующих собственно моральных феноменов. В конечном счете мы выбираем добро из-за ценности добра. И таким образом утверждаем также свою собственную ценность как личности, свою самооценку как нравственного существа. У Спинозы есть хорошая аналогия самодостаточности истины: «Как свет обнаруживает и самого себя и окружающую тьму, так и истина есть мерило и самой себя и лжи»⁴⁰. Точно так же автономна и самодостаточна моральная ценность добра.

Бахтин использовал свою методологию для анализа художественных произведений. Так, в романах Достоевского обнаруживается, что у каждого героя свой «ценностный контекст»/правда. Можно ли их объединить, есть ли какой-то обобщающий контекст? Достоевский, но не Бахтин, считал, что есть, и это очень важно для нравственного бытия людей, иначе начнется нравственный хаос, сущий ад на земле. И таким объединяющим и расставляющим все по своим местам является ценностный контекст/правда Иисуса Христа. С Евангелием Достоевский ушел на каторгу, с Евангелием на груди он и умер. Мы высказываем гипотезу, согласно которой та мысль Достоевского, что в мире нравственных ценностей, где, казалось бы, все относительно, существует абсолют-

³⁷ Под «ценностным подходом» мы понимаем теоретическое исследование и практическое преобразование действительности, основанное на определенных понятиях ценностей, которые вырабатываются аксиологией, этикой. Ценностный подход в этике значим уже в силу ценностного характера важнейших феноменов морали – добра и зла, а также их различных форм (см. подробнее: *Матвеев П.Е.* Ценностный подход в этике. Владимир, 2009).

³⁸ *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 163.

³⁹ Об этическом анализе поступка самопожертвования см.: *Матвеев П.Е.* Поступок самопожертвования (опыт этического анализа) // Этическая мысль. Вып. 13. М., 2013. С. 199–211.

⁴⁰ *Спиноза Б.* Этика // Указ. изд. С. 440.

ная, безотносительная ценность, которая и упорядочивает все, по-видимому, оказала влияние на великого физика А. Эйнштейна, который любил творчество Достоевского и говорил со свойственной ему парадоксальностью, что Достоевский ему, физику, дал больше, чем все физики вместе взятые. В самом деле, есть определенное структурное единство между миром нравственным и физическим. Согласно теории относительности Эйнштейна, в мире физическом, где все относительно, есть одна абсолютная, постоянная величина – скорость света, что и позволяет создать непротиворечивую научную теорию о пространстве и времени. Вспоминаются и бессмертные слова Канта о двух вещах, которые наполняют человеческую душу все большим удивлением и благоговением, чем дольше человек размышляет о них, – это звездное небо над человеком и моральный закон в человеке. Удивительные аналогии!

Бахтин свою методологию использует и при анализе других художественных произведений. Так, в отмеченной статье «К философии поступка», в конце ее, в качестве примера приводится анализ стихотворения А.С. Пушкина «Разлука».

Думается, что идеи Бахтина, его методологию следует использовать при этическом анализе поступков людей. Их можно и даже нужно усилить за счет более глубокого использования феноменологии и аксиологии. Надо разумно и эффективно использовать феноменологический метод «редукции» или «эпохе», понятия «ноэмы», «ноэсы», ценностный подход, понятие «ценности» как обозначения объективного, идеального, интенционального и одновалентного феномена. В качестве примера можно использовать данную методологию для анализа поступка террориста-смертника.

Но если у каждого человека есть свой контекст (правда) и он руководствуется только собственными нормами, то они и являются нормами только для него, и не для другого. «Другой», «чужой» – это ответственный перед собой свободный человек, который руководствуется собственными нормами. Иными словами, каждый субъект конструирует для-себя «свой» мир со своими нормами.

Отсюда следуют несколько важных выводов/вопросов. Первый: обязаны ли мы слушаться других, служить другим? – Нет, не обязаны. Но мы ответственны за признание иной правды, ибо у каждого своя правда/контекст. Второй вывод/вопрос: не приводит ли это к субъективизму, к крайнему индивидуализму, анархизму, нигилизму?! Но «жить из себя не значит жить для себя», – утверждал Бахтин⁴¹. И здесь также следует обратить внимание, что Бахтин не отрицал существование «иног», наличие внешнего плана поступка для актора. Главная проблема для него – это соединение двух аспектов/планов бытия – внешнего и внутреннего, чего можно достичь, с его точки зрения, только изнутри поступка, из внутреннего плана.

Аналогией может быть пример с яблоней Э. Гуссерля, который он приводит в книге «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии». «Предположим, – пишет Гуссерль, – что мы с удовольствием смотрим в саду на цветущую яблоню, на свежую зелень травы и т. д. Очевидно, что восприятие и сопровождающее его удовольствие – не то же самое, что воспринимается и доставляет удовольствие»⁴². Гуссерль отмечает далее, что при естественной

⁴¹ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 46.

⁴² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 2009. С. 282.

установке мы имеем две реальности: яблоню и переживание, между которыми существуют реальные отношения. Когда же мы переходим в феноменологическую установку, то «трансцендентный мир получает свои “скобки”, мы осуществляем эпохе в отношении действительности»⁴³, т. е. мы отвлекаемся от прообраза и занимаемся только образом, тем, что существует в нашем сознании, нашим «переживанием восприятия». При этом «яблоня не утратила ни малейшего нюанса из всех тех моментов, качеств, характерных свойств, с какими являлась она в этом восприятии, с какими выступала она “в” этом удовольствии, – “красивая”, “чудесная” и т. п.»⁴⁴. Эта иллюстрация из Гуссерля помогает лучше понять и анализ Бахтиным «внешнего» и «внутреннего» планов поступка. Ведь и для Бахтина ничего, «ни малейшего нюанса» не исчезает из внешнего плана поступка при его анализе «изнутри». И это важно учитывать, чтобы не относить учение Бахтина к субъективному идеализму в том или ином его варианте.

Следующий вопрос/вывод: что нового может дать методика, предлагаемая Бахтиным? Ведь «внешнее» развивается по внешним, объективным законам культуры, в своем хронотопе, т. е. в своем континууме пространства/времени. И может ли в целом по отношению к поступку что-то новое и значимое создать феноменологический и аксиологический подходы, используемые Бахтиным?

В конце своего очерка Бахтин говорит об архитектонике поступка, которая только и открывается «изнутри» поступка, которую и «должна описать нравственная философия, не отвлеченную схему, а конкретный план мира единого и единственного поступка, основные конкретные моменты его построения и их взаимное расположение. Эти моменты: я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого»⁴⁵. Но достаточно ли этих трех моментов, чтобы описать все богатство ценностного мира? Ведь внутри самого себя актер открывает, говоря языком Гуссерля, ноэсы, которые показывают, что он не просто дан, а задан.

Сам Бахтин не раз отмечал в своей работе «К философии поступка», что «жить из себя не значит жить для себя, а значит быть из себя ответственно участным, утверждать свое нудительное действительное не-алиби в бытии»⁴⁶. А в конце этого шедевра русской философской мысли его автор напишет, что есть «ценностное архитектурное распадение мира на я и всех других для меня»⁴⁷, или «ценностное противопоставление я и другого»⁴⁸. Но «форма общего положения, нормы или закона принципиально неспособна выразить это противопоставление, смысл которого есть абсолютное себя-исключение»⁴⁹. А в нем, в «абсолютном себя-исключении», «смысл всей христианской нравственности, из него исходит и альтруистическая мораль; но адекватного научного выражения и полной принципиальной продуманности этот принцип нравственности до сих пор не получил»⁵⁰. «Абсолютное себя-исключение» есть, с нашей точки зрения, поступок самопожертвования, вплоть до пожертвования собственной жизни.

⁴³ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. С. 283.

⁴⁴ Там же. С. 284.

⁴⁵ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 49.

⁴⁶ Там же. С. 46.

⁴⁷ Там же. С. 68.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

Как это понимать? Это можно интерпретировать в духе Гоготишвили, что Бахтин все же следует основным принципам общечеловеческой морали, но при этом обращает особое внимание на значимость внутренней личностной ответственной мотивации, прочувствования данных норм, чтобы выбор действительно был нравственным. Аверинцев отметил в комментариях естественный нравственный закон (что было уже отмечено и нами) как основу морали, который есть у каждого человека и который якобы не отрицался и Бахтиным. А.А. Гусейнов связал учение о поступке Бахтина с «негативной этикой» и, в частности, с двумя негативными принципами: «Не убий» и «Не лги».

Интересно, что одним из принципов христианской монашеской этики был принцип послушания, который снимал с субъекта ответственность, что не вписывается в концепцию морали Бахтина. Тогда, что, христианская монашеская этика – это квазимораль?!

А можно интерпретировать все это и так, что Бахтин потому и оставил данный очерк неоконченным, что и сам не знал, как совместить принцип «абсолютного себя-исключения» со своей концепцией поступка!

Таким образом, тема поступка не завершена, она остается актуальной для философии и этики как частной философской науки.

Список литературы

- Аверинцев С.С.* [<К философии поступка> Постраничные примечания (1)] // *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Рус. слов., 2003. С. 438–456.
- Бахтин М.М.* К философии поступка // *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Гоготишвили Л.А.* [<К философии поступка> Приложение] // *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Рус. слов., 2003. С. 351–438.
- Гусейнов А.А.* Закон и поступок (Аристотель, И. Кант, М.М. Бахтин) // *Этическая мысль.* Вып. 2. М., 2001. С. 3–26.
- Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Акад. проект, 2009. 489 с.
- Иванов В.* О веселом ремесле и умном веселии // *Иванов В.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 60–72.
- Иванов В.* Религиозное дело Владимира Соловьева // *Иванов В.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 337–345.
- Йонас Г.* Принцип ответственности. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
- Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
- Матвеев П.Е.* Ценностный подход в этике. Владимир, 2009.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М.: Аст Москва, 2009. 925 с.
- Секацкая М.А.* Моральная ответственность без свободы воли // *Вопр. философии.* 2014. № 10. С. 151–161.
- Спиноза Б.* Этика // *Спиноза Б.* Избр. произведения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 359–618.

Philosophy of the Act by Mikhail Bakhtin (experience of the ethical interpretation)

Pavel Matveev

Higher Doctorate (*Habilitation*), Professor of philosophy and religious studies. Humanities Institute of Vladimir State University. 87 Gorkiy Str., Vladimir, 600000, Russian Federation; e-mail: mail@matvei.elcom.ru

The article is devoted to Michail Bakhtin's conception of the Act, which was developed in the essay *The Philosophy of the Act*. Special attention is given to the ethical aspects of Bakhtin's teaching and also to the research methodology in dealing with the complex ethical problem of the individual act.

The article shows that Bakhtin was not the only one, who asked such questions in Russia at that time. *The Philosophy of the Act* was prepared by certain historical, cultural factors. Bakhtin showed, that in the research of the act we should proceed from a particular sole and single person. We discover her special features such as *responsibility* as the essential one, and rationality and oughtness as subordinate to it.

The article notes that Bakhtin distinguishes several types of responsibility. However, the main idea of the essay is not the study of responsibility, but the presentation of a whole plan of that act which, on the one hand, is associated with the sole and single responsible entity and, on the other hand, with the objective culture.

The article examines Bakhtin's criticism of ethics as philosophical conception of morality: the philosophy of the Act can only be constructed *from within* the Act, but theoretical philosophy and traditional ethics are not able to do that. It is better to use phenomenology, axiology and value approach. It is shown, that Bakhtin did not deny the importance of value-based approach to the teaching on the person, his life and deeds but tried to study the person's acts using the concept of value.

The article examines Bakhtin's methodology using the example of his analysis of artworks. It is noted that Bakhtin's ideas and his methodology should be used for the ethical analysis of the person's acts.

Keywords: act, ethics, phenomenology, axiology, responsibility, duty, context, true, value

References

Averintsev, S.S. “<K filosofii postupka> Postranichnye primechania (1)” [<The philosophy of the Act> Notes (1)], in: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii, 7 t.* [Collected Works, 7 vols.], vol. 1. Moscow: Russkie slovari Publ., 2003. pp. 438–456. (In Russian)

Bakhtin, M.M. “K filosofii postupka” [The philosophy of the Act], in: M.M. Bakhtin, *Sobranie sochinenii, 7 t.* [Collected Works, 7 vols.], vol. 1. Moscow: Russkie slovari Publ., 2003. pp. 7–68. (In Russian)

Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Literary Creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (In Russian)

Gogotishvili, L.A. “<K filosofii postupka> Prilozhenie” [<The philosophy of the Act> Appendix], in: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii, 7 t.* [Collected Works, 7 vols.], vol. 1. Moscow: Russkie slovari Publ., 2003. pp. 351–438. (In Russian)

Guseinov, A.A. “Zakon i postupok (Aristotel', I. Kant, M.M. Bakhtin)” [Act and Deed (Aristotle, Kant, M.M. Bakhtin)], *Eticheskaya mysl'*, 2001, vol. 2. pp. 3–26. (In Russian)

Husserl, E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii* [Ideas to Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2009. 489 p. (In Russian)

Ivanov, V. “O veselom remesle i umnom veselii” [On a fun craft and smart gladness], in: V. Ivanov, *Rodnoe i vselenskoe* [Native and Universal]. Moscow: Respublika Publ., 1994. pp. 60–72. (In Russian)

Ivanov, V. “Religioznoe delo Vladimira Solov’eva” [Religious Case of Vladimir Solovyov], in: V. Ivanov, *Rodnoe i vselenskoe* [Native and universal]. Moscow: Respublika Publ., 1994. pp. 337–345. (In Russian)

Jonas, H. *Printsip otvetstvennosti* [The Principle of Responsibility]. Moscow: Airispress Publ., 2004. 480 p. (In Russian)

Kant, I. “Kritika chistogo razuma” [Critique of Pure Reason], in: I. Kant. *Sobranie sochinenii, 6 t.* [Collected Works, 6 vols.], vol. 3. Moscow: Mysl’ Publ., 1964, 799 p. (In Russian)

Sartre, J.-P. *Bytie i nichto* [Being and Nothingness]. Moscow: Ast Moskva Publ., 2009. 925 p. (In Russian)

Sekatskaya, M.A. “Moral’naya otvetstvennost’ bez svobody voli” [Moral Responsibility without Free Will], *Voprosy filosofii*, 2014, no. 10, pp. 151–161. (In Russian)

Spinoza, B. “Etika” [Ethics], in: B. Spinoza, *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], vol. 1. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1957. pp. 359–618. (In Russian)